

Дарья Хитрова

Предисловие

Если название повести «Разумная хазарка» русскому читателю объяснять нет необходимости (повесть писалась с расчетом на публикацию в России), заглавие впервые выходящего в переводе на русский романа Светланы Бойм «Нинóчка» требует не только комментария, но и знака ударения. Именно так, с ударением на средний слог, именует свою возлюбленную товарища Якушову (Грета Гарбо) парижанин и красавец граф Леон (Мелвин Дуглас) в фильме Эрнста Любича «Ninotchka» (1939). Это уморительная романтическая комедия (вообразите Грету Гарбо, отвергающую букет цветов со словами: «Не придавайте значения моей принадлежности к женскому полу!»), чей сюжет можно описать как «пробуждение женщины»: железная комиссарша, посланная за границу со спецзаданием, оттаивает в парижском воздухе и влюбляется в Леона, шампанское, шляпки, чулки и французский шик. Героев Светланы Бойм (а в романе фильм смотрят не единожды) ни галантная, ни комическая сторона этой истории не взволновали; потрясение вызвала легкость, с которой отозванная было в Москву из Парижа героиня снова пересекает советскую границу, чтобы, на сей раз навсегда, соединиться с возлюбленным.

Отъезд и возвращение, жизнь по разные стороны границы, самоощущение иностранки по обе ее стороны — главные темы этой книги. Обе героини-рассказчицы — Лена из «Разумной хазарки» и Таня из «Нинóчки» — уезжают из Советского Союза в эмиграцию с гордо поднятой головой, без сожалений и ностальгии. Их жизненная программа состоит в одном английском глаголе — to pass, сойти за свою, влиться в новую, американскую

жизнь, перестать отличаться от остальных. Эта эмиграция, в отличие от революционной начала XX века и теперешней военной начала XXI, — не вынужденная и не травматичная, а спланированная и долгожданная. Да, этот билет — в один конец и с одним чемоданом, обратно Стикс не переплывешь, зато на том берегу — цивилизованный мир, мечта советского детства. Непроницаемость границы при таком взгляде понимается скорее в положительном свете: доэмигрантская жизнь отделена от эмигранта двойной стеной, удалена во времени и недоступна в пространстве. Даже фотографии (кроме родственников), не говоря о рукописях, через границу не пропускают: лица друзей, знакомых, преподавателей, однокурсников — все останутся в прошлом, как во сне, вместе с унылым бытом и кислым запахом социализма. Жизнь начинается с чистого листа: тут и там, вчера и сегодня, мир супермаркетов и мир авосек никогда не пересекутся, как параллельные прямые.

А потом они берут и пересекаются. И дело не в том, что в Москве открылся «Макдоналдс», а в том, что героиня путается и стесняется в разговоре с кассиром, потому что не знает, как по-русски кетчуп. Легко забыть всё и перемахнуть через Стикс, а что, если Харон предлагает смотаться на ту сторону? А потом обратно? И выясняется, что уютное гнездышко определенности — тут или там, свой или чужой — упало с дерева и в нем гуляет ветер. Что не взятое когда-то в тот единственный чемодан никуда не делось и осталось не в прошлом, а в квартире у бабушки, что скелеты только и ждут возможности выйти из шкафа и что где дом стало еще непонятнее. Состоявшийся вроде бы поворот судьбы — эмиграция — вдруг превратился в развилку, и обе судьбы, прожитая за границей и непрожитая по ту ее сторону, становятся видимы и осязаемы. Один мой коллега-филолог (с довольно редкой фамилией) был потрясен, когда узнал, что у него есть полный тезка — теннисист из Петрозаводска: «Это же параллельная жизнь!» У героинь Бойм как раз возникают такие параллельные жизни — и не в результате эмиграции, а наоборот, из-за возможности возвращений, сосуществования и пересечения параллельных, как теперь становится ясно, кривых. Это на

Западе тогда заговорили о «конце истории», для русских эмигрантов, напротив, история только начиналась.

Поэтому в героини своей диссертации протагонистка «Нинóчки» Таня, аспирантка-историк, берет эмигрантку с третьей судьбой — она и не ностальгирует по утерянному дому, и не старается его забыть, как страшный сон. Ее зовут Нина, она живет в Париже конца 1930-х годов и осознает судьбу эмигранта как «двойного агента» (в интеллектуальном отношении) и, будучи лингвисткой, формулирует преимущества этого положения в языковых терминах: «Двуязычные люди по самой своей сути отличаются от носителей одного языка. Двуязычие — это не совокупность языков. Это альтернативные условия существования. Картина мира билингв и объёмней, и гибче». Зачем выбирать, если можно считать родным и тот, и другой язык? Зачем зажимать один или другой глаз, а не смотреть двумя? Понятно, что логику билингвизма может разделить вовсе не каждый эмигрант: приехавшие взрослыми тяготеют к родному языку, их внуки уже не будут этого языка помнить; так рассуждать будет, скорее всего, человек поколения между ними, то есть той же судьбы, что и Нина, девочкой покинувшая Россию и выросшая в русской семье во Франции. А возможно, перед нами памятник человеческой и писательской смелости — в отличие от выдуманной Нины, Светлана Бойм выросла в Ленинграде и по-английски говорила с акцентом, но, будучи, как многие ее герои, настоящим космополитом за письменным столом, роман написала на английском, причем как раз билингвальном английском, в котором эхо русской речи слышится то на заднем, то на переднем плане (как бывает, когда крутишь ручку радиоприемника и сквозь передачу одной станции проникает призыв другой).

В этом было много игры, языковой и не только, и, как Светлана признавалась в письме к Майе Туровской, она сначала относилась к роману как к «графомании», «развлекалась как бы для себя», пока «не влюбилась в своих героев и не могла заткнуть им рот». Роман прямо брызжет и этой влюбленностью, и веселой дерзостью вавилонского смешения персонажей и тем: в насыщенном почти по-голливудски повествовании находится место

шпиономании и спецслужбам (одну героиню зовут мисс Икс), троцкистам и евразийцам, компьютерным адюльтерам и пламенным революционерам. Сама она определила эту мозаику как «гибридно-эмигрантский жанр русского детектива» (Таня расследует убийство Нины) и указывала на «Истинную жизнь Себастьяна Найта» как источник вдохновения. По форме это скорее в духе 20-х годов, монтаж — чередование прямой речи героини и добываемых ею свидетельств от дневников Нины и отрывков ее статьи «Изгнание и паранойя» (ее мы процитировали выше) до переписки самой Тани и ее родственников (вплоть до сведений, исходящих от человека, в чьи обязанности входит протирка влажной тряпкой кости из черепа Гитлера, бережно хранящейся в архиве КГБ). Вместе с тем перед нами художественное воплощение того замысла, другой формой которого стала легендарная философская работа Светланы — «Будущее ностальгии». В этом отношении она идет по следам ценимых ею формалистов, чьи научные статьи, исторические романы, киносценарии и письма друг к другу представляют собой один головокружительный сад расходящихся тропок интеллектуальной прозы, блуждать в котором, как говорил Пушкин, «есть наука самая занимательная». Самое точное, пожалуй, определение творческого метода Светланы Бойм, чем бы она ни занималась.

.....

НИНОЧКА

.....

Глава первая,

в которой происходит убийство

MGM представляет
Грету Гарбо
в фильме режиссёра
Эрнста Любича
«Нинóчка»
1939

«Эта картина рассказывает нам о Париже в те дивные времена, когда словом “сирена” называли только жгучих брюнеток, а не сигналы воздушной тревоги, а рядовой француз если и выключал дома свет, то вовсе не по причине налёта вражеской авиации!»

Перед нами фойе гостиницы «Гранд Отель», украшенное огромной сверкающей люстрой. На беломраморных ступенях виднеются следы весенней слякоти. Нам в глаза бросается силуэт стоящего к нам спиной мужчины в сером плаще, облокотившегося на колонну. Вы сразу даже не решаетесь туда войти, вы лишь прильнёте к окну, подышав на скрипящую от чистоты поверхность стекла. «Может, это всё-таки ошибка в адресе, или это место только кажется таким подозрительным?» — подумаете вы про себя. Но затем вас подхватит входная дверь-вертушка. Похоже, кто-то толкнул вас сзади: «Продвигайтесь, товарищ, ваша очередь!» И теперь уже не время сомневаться и мешкать — пути назад отрезаны и отступить больше некуда.

«Такие фильмы не в моём вкусе», — прошептала Нина Лионелю. Она придвинулась к нему, но так, чтоб не оказаться слишком

близко. Она сохраняла дистанцию, достаточную, чтобы касаться его подолом своего платья, но не своим телом. Тем временем трое товарищей-большевиков уже прошли сквозь фойе «Гранд Отеля» и были на подходе к президентскому номеру люкс. Они находились в Париже с тайной миссией: найти и продать драгоценности, некогда принадлежавшие российским императорам, и на вырученные от продажи деньги поддержать хромающий советский агропром. Но тут вдруг наши товарищи попали под чарующее влияние города Парижа. Они ещё не осознали произошедшей в них перемены, а дамы в шикарных шляпах с перьями уже стали грассировать наперебой и попеременно оголять свои плечи, а кавалеры, поправив напoмаженные причёски, готовились к продолжению легкомысленного образа жизни. И тут, откуда ни возьмись, появились готовые на всё разносчицы сигарет в коротеньких юбочках. «Вы что, не курите, месъё большевики? Очень жаль...»

«Вот какова жизнь на Западе, товарищи. Ясно».

«Верно. Но ведь дома нас об этом предупреждали, разве не так? Одна ночь, проведенная в этой гостинице, обойдется нашей стране в целых семь коров... Семь коров, товарищи! Вы знали об этом? Я полагаю, что вас должны были информировать».

Наверно, зрители в этот момент громко смеялись. Или, вернее, некоторые в зале тихо хихикнули, а кто-то разразился настоящим варварским хохотом, а еще кто-то просто молча усмехнулся. Нина не поняла эту шутку. В конце концов, для неё этот язык неродной. По меркам русской иммиграции она говорила почти без акцента. Она освоила грамматику, научилась узнавать корни слов, но зачастую путалась в их производных. Также ей было трудно понять все эти докучливые предлоги — «на» и «с», «под» и «над», в которых так легко разбираются носители. Так дайте же им посмеяться вдоволь. А она, она всегда может попробовать конфет, которые принёс Лионель, и тихо пошуршать их разноцветной фольгой.

Прошу вас, поймите меня правильно. Нина любила кино, но в звуковом кино её раздражало обилие пустой болтовни. Во тьме кинотеатра она чувствовала себя уютно, как дома. Она любила

наблюдать за теньями, прыгающими по экрану, сидя в замкнутом пространстве зала, заполненного перешептывающимися между собой незнакомыми ей людьми. Просто тогда был не её день. Она не ела с самого утра. А тот дешёвый *croque monsieur*, который она съела на завтрак, был таким чёрствым и холодным. Разве там внутри не должно быть ветчины? Так бы, конечно, полагалось. Но там был лишь намёк на что-то, похожее на ветчину, какой-то непонятный запах, возможно, просто случайно задержавшееся воспоминание о ветчине, которая когда-то давно всё-таки там лежала. Помимо того, она подхватила простуду. В воспаленном горле першило. И ей вообще не хотелось вставать с постели.

Но тут она вспомнила, что милый американский приятель Лионель пригласил её в кино на специальный сеанс. «Советская комиссарша влюбляется в Париже, — прочла она аннотацию на пригласительном билете, — Грета Гарбо смеется на весь экран». «Почему бы мне не пойти?» — подумала Нина. Она сидела подле него, откинувшись на жесткую спинку кресла, промятого сотнями елозящих киноманов. Пять остро наточенных карандашей гордо торчали из кармана его белого пиджака. Всё в Лионеле говорило о том, что он желал стать писателем. Он не был эмигрантом, как Нина, а находился в Париже в долгосрочном отпуске.

«Тебе никогда не приходила мысль вернуться в Россию?» — зашептал Лионель прямо Нине в ухо. Он так и не придумал, о чем с ней разговаривать.

«Нет, честно говоря».

«Но ты ведь тоскуешь по дому, разве нет?» Он был готов проявить чуткость, утешить её, взять её маленькую руку в свою большую ладонь. Но в ответ она даже не шевельнулась.

«Возможно. Но это не то, что ты думаешь».

Проходит ещё пять минут, и возню и шум в зрительном зале заглушает стук колёс приближающегося поезда. Из Москвы прибывает особоуполномоченная женщина-комиссар. Ее задача — присматривать за тремя товарищами большевиками, отбившимися от рук в Париже. Эти горе-товарищи стали думать о французских продавщицах сигарет чаще, чем о народном хо-

зййстве своего отечества. Товарищ Нина Якушова (так звали полномочную представительницу) гордо стоит на платформе, пожимая статными плечами. Её деловой костюм плотно застёгнут на все пуговицы до самого верха. А шляпка слегка спадает влево, набекрень. Взгляд стальных серых глаз нарочито суров. Как раз в тот самый момент, когда товарищ Якушова уже собралась выходить из гостиницы через ту самую пресловутую дверь-вертушку прямо на оживленную парижскую мостовую, Лионель довольно сильно стиснул Нинину ладошку. Казалось, что он пытался отвлечь Нину от происходящего на экране.

«Она что, какая-то шпионка?» — зашептала дама, сидящая сразу за ними.

«Кто? Грета Гарбо?» — спросил её спутник.

«Кто же ещё!»

«Прекратите болтать!»

«Простите великодушно, но это кто сейчас-то болтает!»

«Тссс... ради Бога!»

В данный момент товарищ Якушова направляется к Эйфелевой башне, чтобы ознакомиться с достижениями капиталистической инженерной мысли. На оживлённом перекрёстке она сталкивается с графом Леоном, бывшим белогвардейцем (тем самым, кто подослал к наивным товарищам-большевикам соблазнительных разносчиц сигарет). Она объяснила Леону, что его социобиологический вид скоро вымрет окончательно и бесповоротно, чем совершенно его очаровала.

Часа через полтора они полюбили друг друга. И Грета Гарбо хохотала, как и было заявлено в аннотации. Она смеялась безудержно и неугомонно, не будучи в силах себя сдержать. Она совершенно позабыла и о драгоценностях контрреволюционной княгини, и о негодниках-большевиках, и о хромающем отечественном агропроме. Товарищ Якушова, наконец-то, оголила свои статные плечи, превращаясь в милую и легкомысленную Нинóчку, а граф Леон взялся за чтение трудов Карла Маркса. Тем временем

как белоэмигранты, так и советская власть нанесли влюблённым ответный удар. Товарищу Якушовой было приказано сейчас же бросить свою любовь и без всяких промедлений вернуться в Советский Союз.

«Ох, — вздохнула дама на заднем ряду, — она серьёзно собирается вернуться в Россию? Это же так жестоко, правда, милый?»

Лионель уже собрался как-то сострить и попытаться невзначай коснуться её пальцев и поднести их к своим губам для неспешного поцелуя. Ну а ещё лучше притронуться к ее коленке своей, но так, чтоб это выглядело не слишком навязчиво. Какие у нее прелестные шелковые чулочки, хоть и со стрелкой на левой лодыжке. Но когда Лионель, наконец, повернулся к Нине, он вдруг понял, что та задремала. Знал бы он ещё, что Нина в своём недолгом сне была так далеко от него. В тот момент она мчалась назад, на Восток, сидя в невидимом поезде своих грёз.

Вот и упущен момент для последних слов прощания. Бегущий по платформе мужчина отчаянно не желает смириться с тем очевидным фактом, что он опоздал. Он уже не тот резвый юноша, каким был когда-то. Сейчас он рискует в любую минуту споткнуться и сильно удариться, но не знает об этом. Дама, около тридцати, сидит у окошка, на ней серая шляпка, которая, кажется, ей маловата. Нет, она не путешествует налегке, и жалеет об этом. И что это за капли — слёзы на её глазах или следы дождя на оконном стекле? Она возвращается в родной город. Говорят, что нет лучшего места, чем дом¹. Но почему же она так тянула с этим годами, оставив всё на последний момент, и теперь топчется на платформе, вдыхая удушливый воздух чужбины? Трудно сказать. Лучше держаться подальше от эмигрантов и несчастных влюблённых. Взгляните-ка на облака. Вон проплывает одно, огромное. Оно выглядит таким инородным и отстранённым, но очень фотогеничным.

Поезд всё дальше и дальше отдаляется от вокзала, и окраины Парижа постепенно пропадают в сумерках, вместе с дымящими-

¹ Английская поговорка.

ся печными трубами и стройными рядами кипарисов. Пришло время ужина, и в каждом из этих светящихся окон мелькает пара, а то и несколько силуэтов, уже привыкших к гудкам паровоза и увязших в плену своего приятного или невыносимого быта. Под вихрь мчащего поезда у нас разыгрывается воображение. Вон там — милое французское семейство готовит стол к семейному ужину. Муж, насупившись, читает в углу вечернюю газету. Не слишком-то обнадёживающие в ней новости. «Война в Европе» — читается в каждом втором заголовке. «Ох, да что они там понимают, эти горе-предсказатели! Нет, родная, нам тревожиться не о чем. Ну что там у нас сегодня на ужин?» Тем временем его супруга выливает оливковое масло на раскалённую и шипящую сковороду, а затем добавляет ещё и каплю красного вина. «Уфф!» — сковороду опоясали языки пламени. Теперь мясо будет мягким и розовым, сочным и полупрожаренным.

Поезд следует мимо пыльных провинциальных городков с труднопроизносимыми названиями, состоящими из множества согласных букв. Но движется ли он в нужном направлении? И в тот ли мы сели вагон? Пограничники совсем не улыбаются и не желают вам, как обычно, *«bon voyage»*. «Ваша виза, мадам. Это вы на фотографии? Пожалуйста, снимите очки и следуйте за нами». Время от времени на станции появляются бабы в белых платках в мелкий чёрный горошек. Их сморщенные лица обгорели и обветрились под северным солнцем. Они несут корзины, покрытые ветошью, из которых идет тёплый пар. Их заунывные возгласы разносятся по всему вокзалу. *«Картошка, картошка, картошка... Горячая картошка, берите, не пожалеете...»* «Доченька, возьми тёпленькой картошечки, дорога-то, небось, долгая, голодная, поверь бабке, бери, не пожалеешь. А вот тебе и огурчиков в добавку, солёненьких, домашних, в подарок». Она действительно превосходная, эта молодая рассыпчатая картошка с огурчиками и укропом. Вы едите её прямо со старой газеты, расстеленной на откидном столике. Конечно, они подпорчены маргарином и слегка пахивают. И что же с того? Просто возьми их в руки. Мы оставили бумажные полотенца в прошлом, в той, другой жизни, здесь они нам больше не понадобятся. И не

задавай тут слишком много вопросов. Нас не интересует, куда ты едешь. Но мы от души поделимся, чем Бог послал. Один попутчик вытаскивает из коричневого саквояжа бутылку водки и сельдь. Другой травит анекдот про Ивана-дурака, что пошёл по степям евразийским и на перепутье встретил Рабиновича:

«Эй, Рабинович, — говорит Иван-дурак, — сваргань-ка мне кофейку».

«Какой тебе кофе?» — спрашивает Рабинович.

«Простой, без молока, — кричит Иван-дурак, — да поживее!»

«А можно без сливок? — взмолился Рабинович, весь дрожа от страха. — А то я здесь давно торчу, у меня молоко кончилось».

Картошка и хорошая компания вас успокоят и согреют, и вы теперь сладко уснёте под убаюкивающий стук колёс. И это будет длиться изо дня в день. Вы и ваши попутчики отныне одна семья. Вы смеётесь над анекдотом соседа задолго до того, как он дойдет до кульминации. «Помните Анку-пулемётчицу?» А вы уже знаете, чем эта история закончится. Вы всегда готовы прийти друг другу на помощь, вы спорите по пустякам, играете в карты, бьётесь об заклад и выплачиваете проигранное. Пока однажды поезд внезапно не остановится в тёмном хвойном лесу, где рельсы превращаются в корни деревьев. Они привязывают вас к земле и держат на месте. Здесь нет ни дорожного указателя, ни какого-то просвета, только искривлённые корни в сухой земле. И эту границу вам не перейти.

«А вы знали, что Грета Гарбо работала на спецслужбы?» — сказал мужчина, сидящий напротив Нины.

«Проклятые эмигранты! — прошипел кто-то сзади. — Они теперь повсюду. Даже в кино...»

«Ведь только агент мог пересечь советскую границу так легко. И это после всех её любовных походов...»

«Тсс, месё, ну право же...»

«Ты знаешь, — Нина повернулась к Лионелю, потирая заспанные глаза, — нельзя сказать, что это совсем нереально».

«Ой, да ладно, Нина, — сказал Лионель, — ты всё проспала. Ведь это всего лишь комедия».

И в самом деле, это была комедия. Первое время товарищ Якушова чувствовала себя в Советском Союзе ужасно одинокой. Она плакала над изуродованными цензурой письмами Леона и отдала от греха подальше свое шёлковое бельё симпатичной соседке по коммунальной квартире. Тем не менее она безропотно ходила на парады и ела яичницу с товарищами большевиками. Затем спецслужбы решили наградить её за безупречную работу и снова послать на Запад, а точнее — в евразийский город Константинополь, где граф Леон уже ожидал её приезда. Там влюблённые встретились вновь. Они отужинали в русском ресторане, недавно открытом предприимчивыми экс-большевиками, и жили долго и счастливо, ну, или, по крайней мере, до конца фильма.

Порою так досадно, что счастливые концы длятся совсем недолго. Вот и сейчас свет в зале зажегся немножко раньше, чем следовало бы.

Сонные и заплаканные кинозрители больше не смогут таиться от окружающих. Теперь им нужно о чём-то говорить, вернуться к обычной жизни и вести себя так, будто ничего не происходило. Нина же задержалась в полутёмном зале чуть дольше остальных, словно бы она чувствовала на себе чей-то пристальный взгляд, и хотела в какой-то момент резко обернуться, чтобы застать своего преследователя врасплох. Был ли это тот самый мужчина в сером плаще, с грубым славянским акцентом процедивший что-то сквозь зубы про этих несносных мигрантов, либо это та незаметная парочка углу, что не удосужилась пошевелиться, когда на экране появилось слово «Конец»?

«Перестань придумывать, Нина. Пойдем на улицу, а? — Лионель нетерпеливо потянул её за руку. — Там я тебя развеселю, вот увидишь». Они вышли из кинотеатра и какое-то время бесцельно бродили по городу, не в силах решить, что им делать. У Нины болело горло, поэтому всю дорогу говорил Лионель. Когда они шли по набережной Сены, начало моросить. Уличные торговцы тут же прикрыли чёрной ветошью свои старинные журналы и открытки. Небольшой сквер на острове Сен-Луи смотрелся, словно кладбище мёртвых зонтиков. Лионель обнял Нину. «Слушай, — сказал он, — могу я предложить тебе что-нибудь выпить, а может, ты хочешь

где-нибудь поесть? Что скажешь? Или у меня есть другая идея. Давай забудем про еду и пойдём напрямик к тебе».

Лионель думал, что Нине нравится его американская прямолинейность, и изо всех сил старался ее излучать. Нинин кашель становился всё хуже. На самом деле она была голодна и не совсем в настроении, но это был один из тех случаев, когда легче согласиться, чем объяснять, почему тебе не хочется. Нельзя сказать, чтобы он ей не нравился. В нём было что-то юношеское, здоровое и ясное. Казалось, что он без доли сомнения идёт по жизни своей заранее определённой дорогой. Такая редкая порода среди знакомых ей людей.

И вот они уже в её маленькой и тесной комнатухе. Он вытащил грампластинку: «Я покажу тебе мою новую покупку — это твой соотечественник, господин Качальский. Но я, надо признаться... предпочитаю джаз».

«Я тоже», — сказала Нина. Однако Лионель уже её не слышал. В этот момент он проигрывал на граммофоне новую композицию:

Я принцесса без единого су,
Я сбежала с моим милым Джу Су.
Малазийский барон,
Мой хороший Джу Су.
Малазийский барон...

«Мне говорили, что в русском нет слова со значением любовной прелюдии, — зашептал Лионель, целуя Нину в ухо, — в самом деле, какой же у вас практичный язык...»

Песенка с пластинки крутилась и вертелась, но они её больше не слушали. Он был довольно нежен и скор. Теоретически ему нравилась идея «прорыва мужчины в женщину». Он где-то читал об этом, и эти слова врезались ему в память. Но в нём была и доброта. Он принес ей чай с лимоном в старой фарфоровой чашке, расписанной то ли соловьями, то ли воробьями — сразу и не разберёшь. В комнате было довольно темно. Она выпила чаю, и горло отпустило. Она стала наблюдать за тараканом,

медленно ползущим по гипсовой лепке на стене. Это был симпатичный безобидный вид таракана, просто ищущий, как бы ему сбежать. Ей захотелось притвориться, что она не видела его вовсе. Ну вот, раз, и всё. Лионель жарко рассказывал о чём-то, не имеющем к ней отношения. Да, конечно же, о кино. «Кинематограф станет универсальным языком человечества...»

«Естественно, — сказала Нина примирительно, — особенно если режиссёрам удастся избавиться от слов».

Утром он пошёл в местную кондитерскую купить для Нины свежих круассанов с джемом. Наверно, он встретил там друзей и проболтал с ними чуть дольше обычного. Он хотел закончить разговор, но один из его приятелей всё нёс какую-то ахинею про какой-то «материк-океан» и достижимую утопию, а другой скептически кивал. Когда Лионель вернулся, Нины уже не было в живых...

Вот что было записано в полицейском протоколе: «Нина Б. найдена мёртвой по адресу Рю де Соссюр, 55. Причина смерти — пулевое ранение. Следов взлома не выявлено. Десять франков в кошельке нетронуты. В момент убийства рабочие-мигранты занимались ремонтом на четвёртом этаже. Подозреваемых нет».

Лионель был арестован, но вскоре отпущен. Владелец кондитерской месьё Бонасье подтвердил, что тот покупал у него две шоколадные булочки и один миндальный круассан ровно в 9:30, как раз в то время, когда была убита Нина. Двух мужчин, которых повстречал Лионель, Бонасье описал как «явно не французов, вероятно, беженцы из Восточной Европы. Париж теперь уже не тот, что был когда-то, он совсем не такой, как в старые времена. Вряд ли тут вообще остались какие-то французы, как вы знаете... Но всё же все эти чужестранцы тоже любят мои круассаны. И иногда даже умудряются за них заплатить. Так что, может, наше нынешнее положение даже не вредит коммерции».

Дорогой читатель, само собой, меня там не было. И не я подслушивала Нину во мраке кинотеатра. Мне не довелось слышать болтовни добродушного господина Бонасье. И да, я не могу доказать в суде, что он выражался именно так. Теперь уже слишком

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru